DOI: 10.17117/na.2016.01.03.471

Поступила (Received): 30.01.2016

<http://ucom.ru/doc/na.2016.01.03.471.pdf>**Могилевская Г.И.****«Новояз» современного информационного пространства****Mogilevskaya G.I.****"Newspeak" of the modern information space**

В статье исследуются процессы формирования «новояза», который является языком манипулирования и принуждения. «Новояз» не исчезает вместе с тоталитарными режимами, он активно используется в информационном поле либерального общества. Статья посвящена «новоязу» информационного общества

Ключевые слова: «Новояз», информационное общество, манипулирование

The article examines the processes of formation of "Newspeak", which is the language of manipulation and coercion. Newspeak not disappear with totalitarian regimes, it is widely used in the information field of a liberal society. The article is devoted to the doublespeak of the information society

Key words: Newspeak, the information society, manipulation

Могилевская Галина Исаевна

*Кандидат философских наук, доцент
Институт предпринимательства и сервиса
г. Шахты, ул. Шевченко, 147*

Mogilevskaya Galina Isaevna

*Candidate of Philosophical Sciences, Associate
Professor
Institute of entrepreneurship and service
Shakhty, Shevchenko st., 147*

На сломе социально-культурных эпох наиболее ярко проступают те функции языка, которые позиционируют его как средство социального доминирования и понуждения. Революции всякого рода генерируют языковые инновации, осуществляющие дискредитацию прежнего миропорядка через обесценение прежнего лингвистического капитала. В результате этих процессов формируется тот особый язык, который с легкой руки Дж. Оруэлла стали называть «новоязом», определяя этим термином те изменения в языке, которые сформировались в тоталитарных обществах. Взяв за образец языковую систему гитлеровской Германии и Советской России, Оруэлл проиллюстрировал, как изменения в языке позволяют дискредитировать общечеловеческие ценности. Крах тоталитарных обществ с их языками манипулирования и ведения информационных войн не лишил эту проблему актуальности, ибо и либеральные системы не брезгуют конструированием языка власти, «новояза», под которым мы будем подразумевать все те языковые трансформации, целью которых является манипулирование массовым сознанием и понуждение к выполнению определенных действий. Поэтому актуальность проблемы формирования языков власти не исчезает вместе с исчезновением тоталитаризма, ибо общество потребления, информационная революция, информационные войны создают новые типы «новояза», влияющего на особенности нашего мышления и поведения.

Ведь язык не только зеркало социокультурных изменений, но еще и форма структурирования и организации мышления, что, в конечном счете, позволяет превращать его в средство социального доминирования. Опираясь на гипотезу лингвистической относительности, сформулированную Э. Сепиром и Б. Уорфом, можно утверждать, что язык не только средство выражения мыслей, но, главным образом, форма, определяющая образ наших мыслей [3, с.174].

Постсоветский период стал мощным толчком для создания нового языка власти, чему способствовала глубокая ломка экономических и политических структур, провозглашенная курсом перестройки. Это время, когда печать перестала испытывать мощное давление идеологических структур государства, что и опьянило средства массовой информации вседозволенностью и ничем не ограниченной свободой. Но была и обратная сторона этой свободы, которая заключалась в отсутствии всякого нормативного контроля над соблюдением правил языка, разрушении языковых норм. Этот демонстративный отказ должен был символизировать демократичность нового языка. Всякого рода революционные ломки не могут обойтись без ревизии языкового капитала, что мы и наблюдаем в перестроечный период. Язык этой эпохи экспрессивен, категоричен, но и как в любом «новоязе», отказ от официальной лексики должен был символизировать близость к народным чаяниям. СМИ пытались говорить не официальным языком, порождая новый язык, не менее стремящийся манипулировать массовым сознанием, чем язык партийного официоза. Просторечие прорывалось на просторы журналов, газет, телевизионные экраны, не говоря уже о радио. Кино вообще отринуло всякую цензуру: ненормативная лексика стала знаком демократичности, в конечном счете, заменило представления о юморе и сатире. Стало почти дурным тоном не вставлять в юмористические тексты ненормативную лексику. Агрессивность уличного языка взрывала привычную пассивность гражданской жизни, что, в конце концов, создавало иллюзию либеральных перемен, новый язык соответствовал новому переломному времени. Без особого внимания осталось только то, что эта новая правдивость была всего лишь новой технологией манипулирования массовым сознанием, которое соскучилось по живому непосредственному общению.

«Новояз» не является безобидным процессом естественного изменения языка, ибо он всегда язык несвободы не только в том отношении, что он несвободой порождается, но и сам порождает несвободу. Чтобы общество отказалось от привычных ценностей, необходимо изменить смысл привычных слов и выражений, придать им некий легитимный смысл. Только тогда страшное и опасное – «гробы» – превращаются в ценностно-нейтральную «транспортную ёмкость» или «Груз 200», бомбежки в «воздушную поддержку», оккупация в «демократическое наведение порядка». Слова утрачивают былую сущность, нагружаются дополнительными смыслами, не всегда понятными тем, кто воспитывался в прежнем лексическом поле, ведь смысл привычных слов изменился [1]. Не всегда можно за словосочетанием «нет политической воли» разглядеть простое отсутствие желания что-то делать, за неясным понятием «статусная рента» разглядеть банальные взятки, за «оптимизацией» сокращение кадров, а за «освоением бюджетных средств» обычное воровство. «Левые» и «правые», «консерваторы» и «реформаторы», «демократы» и «либералы» – термины,

утратившие свою ценностную наполненность, превратившиеся в клише с неясным смыслом и даже употребляющиеся как ругательные.

Появление новых информационных технологий произвело в обществе поистине революционные изменения, что не замедлило сказаться в языке. Эти языковые изменения оказались столь масштабны и глобальны, что лингвисты заговорили о возникновении сетевого, или же электронного языка. Но если первоначально язык Всемирной паутины был языком узкой группы специалистов, то теперь он вышел за пределы научного сообщества и стал достоянием массового человека, который овладев компьютером, внес все особенности своего сознания в этот виртуальный мир. Современные сетевые структуры активно формируют массовое сознание и массового человека [4, с. 909]. Любая революция, в том числе и информационная, не может не отказываться от прежнего миропорядка, что делает ее генератором языковых инноваций, которые подвергают сомнению старый лингвистический опыт.

В свете сказанного, следует более внимательно отнестись к тем изменениям в языке, которые осуществляются в пространстве Интернета. Неоднородность, открытость языка Интернета, отсутствие строгой кодификации, отсутствие всяких правил языка Всемирной паутины, казалось бы, не позволяют причислить язык социальных сетей к языку манипулирования, к «новоязу». Однако, это всего лишь внешнее несоответствие. Сразу бросается в глаза пренебрежение языковым стандартом, где размываются границы между стандартным и девиантным, что не может ни способствовать размыванию общественных норм и правил. Язык интернет-пространства порождает новые формы сокращения, ничего не говорящие тому, кто находится вне данного дискурса. Новый язык интернета с его грамматическими ошибками и нарочито подчеркнутой простотой – плодотворное поле для формирования «новояза», под которым мы подразумеваем те приемы и методы, которые преднамеренно и массово используются для воздействия на сознание человека. Эра Интернета не изменила принципов манипуляции сознанием, скорее генерировала дополнительные средства этой манипуляции. Но если прежде массовый человек был по преимуществу потребителем, то теперь он и тот, кто воспроизводит свою псевдо-индивидуальность в безбрежном киберпространстве. Откровенная клевета, распространение непроверенных слухов, коллажи дискредитирующего содержания позволяют манипулировать общественным сознанием.

Список используемых источников:

1. Живов В.М. Язык и революция // Отечественные записки. 2005. № 2.
2. Могилевская Г.И. Информационная война в социальных сетях // Молодой ученый. 2015. №15. С. 650-654.
3. Уорф Б.Л. Отношение норм поведения и мышления к языку. Новое в зарубежной лингвистике. М., 1960. Вып. 1
4. Могилевская Г.И. Киберпространство как актуальное поле смеховой культуры массового человека // Молодой ученый. 2014. № 2(61). С. 909-912